

Пшидаток Амир Рашидович,
Учитель русского языка и литературы,
Онлайн-школа «Фоксфорд»

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОКИ СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ КОММУНИКАЦИИ

Аннотация: Данная статья посвящена такой интенсивно развивающейся трансдисциплинарной проблеме знания как теория коммуникации. В статье содержится краткий экскурс в историю научной специализации и развития теории коммуникации. Выявлен базис теории коммуникации в виде аналитической постпозитивистской философии языка и большое влияние методологии новейших школ западной социологии (вроде коммунитаризма или символический интеракционизм), а также влияние французской постструктуралистской концепции дискурса, феноменологической теории Другого.

Ключевые слова: коммуникация, диалогизм, коммуникативные компетенции, социализация, лингвистика, философия языка.

На протяжении многих веков наука о языке была индифферентна к теории коммуникации, лишь в 1920-ые годы непосредственное социальное общение стало материалом, а впоследствии и объектом лингвистического исследования. Истоки научного интереса к коммуникации, её структуре и типологии в эпистемологическом перевороте, свершившемся в гуманитарном знании во второй половине XIX века: генетико-эволюционистский подход к социально-культурным феноменам заместил наивную императивно-линейную и ригористичную модель развития общества, господствовавшую в эпоху Просвещения. Кроме Чарльза Дарвина и мыслителей, по традиции относимым к социал-дарвинизму и позитивизму (Огюст Конт, Герберт Спенсер, Гюстав Лебон, Льюис Морган, Марсель Мосс, Вильгельм Вундт), безусловно, следует назвать имена Карла Маркса и Фридриха Энгельса, которые так же внесли огромный вклад в формирование современных теорий социализации, кооперации и коллективного / классового / народного сознания. Социальная детерминация форм коммуникации (да и структур языка в целом) наиболее радикально представлена в трудах Николая Марра (так называемая «яфетическая теория») и его последователей, вроде Ивана Мещанинова; несмотря на то, что в 1950-ые годы она стала настоящим жупелом для лингвистов и была признана антинаучной (политическое восхождение и опала марристов изложена в «Истории лингвистических учений» Владимира Алпатова [1]), её интенциональность была свойственна всем исследователям-материалистам генезиса и эволюции языка, от Карла Бюхера (теория трудовых выкриков) до Стивена Пинкера (теория языкового инстинкта).

Однако позитивизму XIX века совершенно была чужда специализация предмета гуманитарных наук / наук о духе / обществе / культуре, все феномены собственно антропологические воспринимались как надстройка / агрегат / эпифеномен материальных (биогенетических / психофизиологических / экономических) процессов.

Вехой в развитие теории коммуникации была теория высказывания, оформившаяся внутри семиотики / семиологии на рубеже XIX-XX веков. Независимо друг от друга Чарльз Сандерс Пирс и Фердинанд де Соссюр пытались преодолеть тупик, в котором оказались современные им логика, эпистемология и эмпирическое языкознание. Исследовательские установки обоих мыслителей грешили абстрактностью и универсализмом, высказывание они понимали всё ещё в логистической парадигме классической науки XIX века, собственно речевую деятельность они понимали как совершенно окказиональную и акцидентальную по

отношению к идеальной структуре языка, однако они много сделали для формирования теории коммуникативных компетенций и их типологии (основоположники теории коммуникации, вроде Хомского и Хаймса, позиционировали себя преемниками основателей релятивистской логики и семиотики, вроде Готтлоба Фреге).

Большую роль в социализации лингвистики сыграла неоромантическая / эстетическая / экспрессивная школа Карла Фосслера и его учеников (вроде Лео Шпитцера). Несмотря на упреки в субъективизме именно представители этой школы пытались дать социологический базис теории языка и коммуникации, способствовали формированию современной теории диалога, применения статистических данных в лингвистических исследованиях и оформления методологии диалектологии и социолингвистики.

Первая половина XX века – время господства структурализма во всем гуманитарном знании. Имманентный и синтаксический подход к языку как автономной системе априори не мог благоприятствовать развитию теории коммуникации. Эта проблема была, в сущности, отдана на откуп такой спекулятивной области знания как философия языка, которая была признана научной дисциплиной, равноценной дескриптивной и теоретической лингвистике, лишь в 1960-ые годы. Весь спектр школ, течений и направлений постклассической философии проявлял неподдельный интерес к языку как антропологическому (отчасти, и онтологическому) феномену, интегрированному в широкий социально-психологический контекст. Основателями социофилософских исследований языка и коммуникации были немецкие и русские философы-диалогисты (современная история философии относит большинство из них к феноменологии): Макс Шелер, Мартин Бубер, Ойген Розеншток-Хюсси, Михаил Бахтин, Валентин Волошинов. В своих трудах данные мыслители [25, 26, 27] обращались к коммуникации (диалогу), в первую очередь, как к этической проблеме, проблеме аппрезентации «Другого», «Чужого Я» как константного принципа построения архитектоники не только межличностных отношений, но и мироздания в целом.

Однако большее влияние на современную теорию коммуникации имел австрийский и англо-американский неопозитивизм, а именно аналитическая философия языка. Несмотря на то, что это направление оформилось внутри Венского и Оксфордского логико-позитивистского кружка, своё значение в истории науки она получила благодаря преодолению логицизма, релятивизации логики и фокусированию научного интереса на обыденном языке, его когнитивном и креативном потенциале. В первую очередь, эта заслуга принадлежит Людвигу Витгенштейну, а также Джону Остину, который, в сущности, придал эвристическим «откровениям» первого научную системность.

Во второй половине XX века происходит резкое размежевание внутри исследователей коммуникации. Во Франции изучение коммуникации привело к созданию постструктуралистской концепции дискурса, для которой была характерна атрибуция форм общения (да и вообще любого социального взаимодействия) как репрессивных, тотальных и фикциональных, а также размывание дискурса как объекта лингвистического исследования, который невозможно обособить от таких матанаучных постмодернистских категорий, как Текст, интертекст, метанарратив, письмо, составляющих характерную номенклатуру постмодернистских философов (вроде Ролана Барта, Юлии Кристевой, Жака Деррида) и, в сущности, лишенных каких-либо терминологических дефиниций.

Прямые наследники австрийских и английских неопозитивистов, вроде Ноама Хомского или Джона Сёрля (в истории новейшей философии их часто именуют постпозитивистами), следовали установкам материалистического языкознания и стремились к корреляции теории языка с логикой, нейрофизиологией, а впоследствии и с кибернетикой. Фактически в рамках постпозитивистской когнитивной лингвистики и оформилась категория коммуникативных компетенций как социально детерминированный и рецептивно и

диалогически ориентированный аналог категорий грамматических компетенций у Хомского, страдавших логицизмом и универсализмом, хотя их автор и сделал много для преодоления психологизма в бихевиористском варианте. Делл Хаймс, который ввел это понятие, считал социальный контекст, конкретную языковую ситуацию не менее важным для продуцирования не только осмысленного, но и референтного и интенционального высказывания, чем абстагированные грамматические категории и семантическая валентность естественного языка. Постпозитивистской теории коммуникации свойственен утилитаризм и прагматизм (в целом, свойственный англо-американскому гуманитарному знанию на протяжении веков). Она по-своему то же является универсалистской теорией, игнорирующей все различия между акторами общения, кроме, может быть, социальной иерархии и традиционных фатических «масок» участников ритуального или этикетного общения. Развитие теории коммуникативных компетенций проходило под большим влиянием социолингвистики, а также таких школ западной социологии, как коммунитаризм и символический интеракционизм, в которых коммуникация представлена как главный инструмент горизонтальной или вертикальной мобильности. Интерес к семиотическим и структурным аспектам языка отошёл на второй план, а впоследствии вообще был выведен из ведома теории коммуникации. Главным объектом теории коммуникации являются крупнейшие языковые единицы (текст / контекст / дискурс / высказывание / диалог / коммуникация), элементы низших уровней (предложение, слово) рассматривается лишь в случае, когда они являются субституцией целого выражения.

Проблема коммуникативных компетенций является одной из главных в прикладной лингвистике. Она, безусловно, является междисциплинарной и пересекается с различными проблемами культурологии, социологии, психологии и других гуманитарных наук. Генерализация, типизация и индукция являются одними из главных способов выявления схемы диалогизированного высказывания, образованной тремя конститутивными чертами: конвенциональностью (априорной условностью форм социального общения), референтностью (объективная интенциональность высказывания, его направленность на внешний мир) и рецептивностью (априорная адресованность любого высказывания, его апелляция к другому человеку). Коммуникативная стратегия каждого человека – это результата констелляции бесчисленного количества детерминантов (психофизиологических, социально-культурных, исторических), и поэтому позиционирование индивида в идеологически-языковой среде изменчиво, диалектично, подчас, окказионально. Однако типические и продуктивные коммуникативные компетенции, очищенные от сиюминутной «пены дней», моды, субкультурных идиолектов, тяготеют к большой структурности и изоморфности. Коммуникативные стратегии и соответствующие коммуникативные компетенции – обобщенные границы бесчисленного множества конкретных высказываний, объединенных общей интенциональностью быть понятым и понять другого.

Коммуникативные компетенции – это очень абстрактная система позиций (по отношению к Я, Другому и окружающему миру), формирующая структуру высказывания, образ говорящего субъекта и образ его адресата. Их адекватное освоение – фундамент социализации и онтогенеза, способность к генерации и рецепции текстов разных «речевых жанров», как бы сказал Михаил Бахтин [2], необходимое условие когнитивного и психологического развития личности.

Безусловно, роль теории коммуникации в педагогике тяжело переоценить. Развитие способностей к продуцированию грамотных и осмысленных текстов, а также к адекватной интерпретации являются очень важными в воспитании и развитии в любом возрасте. Теория коммуникации (как пропедевтический курс) во многом занял положение риторики в классическом гимназическом образовании, стремясь к развитию способностей к изложению, аргументации, интерпретации, построению монологических текстов разной жанровой

природы, тематики, рецептивной установки, и это подтверждается тем, что одно из самых влиятельных направлений этой дисциплины именуют неориторикой.

В современной конъюнктуре (политической, социально-культурной и, самое главное, информационной) проблема формирования коммуникативных компетенций осложнена следующими факторами:

– фактическая «балканизация» трансграничного (вне-государственного), трансгрессивного (вне социально-культурной иерархии) и трансгредиентного (вне императивной и монологической картины мира) информационного пространства в сети Интернет;

– радикальная трансформация структуры и темпа социализации и онтогенеза благодаря вовлеченности современных детей и подростков в коммуникации посредством мессенджеров, социальных сетей с самого раннего периода развития (самых первых проблесков аналитических, каузальных и сигнификативных способностей рассудка);

– беспрецедентная экспансия глобалистской идеологии посредством упрощенного американского английского и современной англоязычной массовой культуры.

Однако пропедевтическим языковедческим курсам (как изучению родного языка, так и государственного, и иностранного) во многих странах по сей день свойственен своеобразный «граммоцентризм», когда изучение вне-исторической языковой структуры и, в первую очередь, графических (орфографических и пунктуационных) правил, преобладает над изучением стилистики, риторики и основ коммуникации, то есть дисциплин, обладающих значительно большей прагматической установкой.

Многие современные исследователи требуют соотносить исследования в области прикладной лингвистики с этнографией, культурологией, дискриптивной антропологией, невольно выступая в этом аспекте последователи романтических и неоромантических лингвистов, вроде упомянутых ранее Фосслера и Шпитцера, а также Вильгельма фон Гумбольдта и Александра Потебни (в первую очередь, активно пользуясь категорией менталитет и декларируя этнолингвистическую детерминированность сознания и поведения). В целом, как это ни парадоксально, влияние ориентализма XIX и начала XX веков на современное «мультикультурное» и «деколониаторское» гуманитарное знание огромно, как бы его представители не охаивали своих невольных предшественников. Исследователи из разных стран мира справедливо заявляют об одинаковой тлетворности и универсализма, отрицающего какие-либо этнокультурные различия, свойственный неолиберализму, который, в свою очередь, наследует Просветительскую антропологию, и органологический подход (или морфологический, как бы его назвал Освальд Шпенглер), утверждающий абсолютный герметизм и атранспорентность культурных и цивилизационных феноменов, носители которых могут испытывать лишь страх или стремление к экспансии и уничтожению по отношению к представителям других культур.

Список литературы:

1. В. М. Алпатов. История лингвистических учений. М.: Языки славянской культуры, 2005. 368 с.
2. Бахтин, М. М. Проблема речевых жанров / М. М. Бахтин. Собрание сочинений в 7 томах. Том 5. М.: Русские словари, 1997. С. 160-208.
3. В. Н. Волошинов (М. М. Бахтин). Марксизм и философия языка. М.: Лабиринт, 1993. 196 с.
4. О. Розеншток-Хюсси. Речь и действительность. М.: Лабиринт, 2008. 273 с.

